

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-3-20-33

Коммуникативные стратегии в западно- и восточногерманском историко-биографическом дискурсе

Марина Константиновна Мовчан

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
mmovchan3@gmail.com

Аннотация

Представлены результаты нарративного анализа западно- и восточногерманских историко-биографических текстов. Материалом послужили тексты, посвященные одним и тем же историческим личностям, но созданные в разных частях Германии. В рамках общей нарративной стратегии были выделены частные стратегии объяснения, информирования, самопрезентации, объективации и оценки. Их реализуют тактики рациональной аргументации, персонализации, описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к личностному или групповому авторитету, апелляции к возможному прошлому, сравнения, неопределенности, аттрактивации, косвенного обращения.

Ключевые слова

риторический метадискурс, научный дискурс, исторический нарратив, биография, коммуникативные стратегии

Для цитирования

Мовчан М. К. Коммуникативные стратегии в западно- и восточногерманском историко-биографическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 3. С. 20–33. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-3-20-33

Communicative Strategies in West and East German Historical (Biographical) Discourse

Marina K. Movchan

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
mmovchan3@gmail.com

Abstract

The article presents the results of analyzing East and West German historical biographies from the narrative point of view, exemplified by texts devoted to the same historical personalities but composed in two different parts of Germany.

© Мовчан М. К., 2024

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2024, vol. 22, no. 3

Within the general narrative strategy, specific strategies such as explanation, informing, self-presentation, objectification and evaluation have been singled out. They are realized by communicative tactics such as rational argumentation, personalization, describing evaluation criteria, ascribing evaluative characteristics, appealing to personal or group opinion leaders, appealing to possible past, comparison, tentativeness, attracting attention and indirect address.

Keywords

rhetorical metadiscourse, scholarly discourse, historical narrative, biography, communicative strategies

For citation

Movchan M. K. Communicative Strategies in West and East German Historical (Biographical) Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 20–33. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-3-20-33

Введение

Благодаря «нарративному повороту» в гуманитарных науках исследование нарратива в историческом дискурсе приобретает особую актуальность (ср. [Брокмейер, Харре, 2000]). Исторический дискурс является подтипом научного (теоретического) дискурса, которому присуща стратегия аргументативности. Данная стратегия реализуется в исторических текстах через нарративность.

Актуальность исследования определяется не только значимостью нарратива для фиксации, хранения и передачи опыта, но и недостаточной изученностью историко-биографических текстов с точки зрения языка и дискурса (ср. [Hardtwig, 1979. P. 294]).

Материалом послужили «параллельные биографии» [Brinks, 1992. P. 288–289], написанные в Западной и Восточной Германии и посвященные одним и тем же историческим личностям: прусскому королю Фридриху II, Отто фон Бисмарку, Мартину Лютеру и императору Вильгельму I.

Новизна исследования определяется постановкой проблемы: в работе прослеживаются и сравниваются риторические стратегии и тактики в текстах историков разделенной Германии. Впервые предпринимается попытка проанализировать исторические биографии с позиции дискурса и нарратива.

Цель исследования – выявить на уровне языка коммуникативные стратегии и тактики в историко-биографических текстах, созданных в ГДР и ФРГ, с позиции неориторики.

Исследование позволило установить, что историко-биографические тексты ГДР и ФРГ находятся в околупериферийной области риторического метадискурса [Голоднов, 2011. С. 151]. В исследуемых текстах основной риторической стратегией является аргументативная стратегия нарративности. Она находит отражение в частных стратегиях объяснения, информирования, самопрезентации, объективации и оценки. Что касается частных стратегий, их реализации служат различные коммуникативные тактики.

Стратегия объяснения

Одной из основных в историческом повествовании является стратегия объяснения [Baumgartner, 1979. P. 269; Данто, 2002. С. 228, 237; Pfeifer, 2014. P. 261–262], поскольку в основе нарратива лежит передача событий, объединенных смысловыми связями [Lämmert, 1955; Тодоров, 1975; Chatman, 1989; Benjamin, 1991; Данто, 2002; Velleman, 2003; Köppe, Kindt, 2014]. В рамках данной стратегии прослеживаются логические связи, присущие нарративной картине мира, и строятся модели возможных миров.

Стратегию объяснения в немецкоязычном историческом нарративе реализуют тактики рациональной аргументации, апелляции к личному или групповому авторитету, описания оценочных ориентиров, сравнения, апелляции к возможному прошлому, опровержения.

В рамках тактики *рациональной аргументации* одно и то же событие в «параллельных» биографических текстах может быть объяснено по-разному. Так, биографы Мартина Лю-

тера по-разному подводят итоги диспута с участием «главного героя». По Ф.-В. Кантценбаху (ФРГ), диспут закончился примирением обеих сторон: „1536 brachte die Wittenberger Konkordie wenigstens eine... Übereinstimmung zwischen den Wittenbergern und den oberdeutschen Reformatoren. Man reichte sich die Bruderhand“ [Kantzenbach, 1972. P. 68]. В свою очередь, согласно Г. Брендлеру (ГДР), стороны остались при своем мнении: „Experimentell ließ sich die Frage nicht lösen, politisch auch nicht; so blieb ein jeder bei seiner Meinung und schrieb sich selber den Sieg zu“ [Brendler, 1983. P. 379].

Тактика *апелляции к личному авторитету* позволяет истолковать действия исторических персоналий со ссылкой на их намерения, интересы и личностные особенности. Данная тактика, в частности, связывается с образом героя, важными вехами его жизни, формированием его взглядов [Терпугова, 2011]. Так, биографы прусского короля Фридриха II объясняют формирование характера «протагониста» влиянием отца: „[Friedrichs] Jugend und sein Konflikt mit dem Vater hatten ihn gezwungen, sich zu verstellen und zu heucheln. Dadurch war ein amoralischer Zug in sein Wesen gekommen...“ [Aretin, 1985. P. 42].

Тактика *апелляции к личному авторитету* в рамках стратегии объяснения реализуется также при помощи ссылок на других историков и идеологов. Так, К. О. фон Аретин (ФРГ) объясняет отношения Фридриха II с женщинами с опорой на психоанализ: „[Friedrichs] überstarke Bindung an die Mutter und die Schwestern sowie seine geradezu krankhafte Abneigung gegen Verheiratete in seiner Umgebung gehören zu seinem gestörten Verhältnis zum weiblichen Geschlecht“ [Aretin, 1985. P. 39]. Такая междисциплинарность позволяет говорить о сходстве между биографическими и научно-популярными текстами.

Апелляция к групповому авторитету в историко-биографическом повествовании представляет собой ссылки на неназванный и неисторический «источник», например, на «слова народа» (коллективные общности, которые А. Данто называет «социальными индивидами» [Данто, 2002. С. 244]). Например: „Nach dem harten Regime Friedrich Wilhelms I. hofften viele auf eine Erleichterung“ [Mittenzwei, 1987. P. 37] (о времени вступления Фридриха II на престол и народных надеждах на нового правителя). Здесь социальные индивиды обозначены словом *viele* без указания на конкретных личностей или сословия.

Тактика *описания оценочных ориентиров* в историко-биографических текстах связана с ценностями и имеет особую значимость в восточногерманских текстах. Повествуя о рождении исторической личности, восточногерманские историки отмечают политическую ситуацию в государстве на тот момент, объясняя ее не только конкретными событиями (в примере – Французской революцией), но и марксистской теорией: „Zur Zeit der Geburt Prinz Wilhelms befanden sich die Staaten des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation schon im Sog der revolutionären französischen Ereignisse. Auch im friderizianischen Preußen... beschleunigte sich der Verfall des politischen und gesellschaftlichen Systems. Der Feudalismus... war nunmehr in das Stadium der Agonie getreten...“ [Börner, 1984. P. 13]. В западногерманских текстах, в свою очередь, объяснение основывается на ценностях, охарактеризованных как «демократические»: „... die Unterschiede zwischen den Menschen sind durch die Entwicklung der Menschenrechte in der Zeit der Aufklärung, durch das demokratische Freiheitsdenken... aufgehoben“ [Kantzenbach, 1972. P. 34].

Тактика *сравнения* реализуется в проведении исторических параллелей между личностями, государствами, эпохами и событиями. Например, при сравнении М. Лютера с его современником Томасом Мюнцером объясняется значимость обоих деятелей для Реформации. Так, по Г. Брендлеру, Лютер и Мюнцер вели движение Реформации в «противоположные стороны», причем Лютер, в отличие от Мюнцера, принадлежал к ранней интеллигенции: „Luther ordnete sich... einem Status innerhalb des feudalen Gesellschaftssystems zu, der ihn zunächst aus unmittelbaren Bindungen an soziale Klassen und Schichten herauslöste... In Luther tritt uns ein Intellektueller unter den spezifischen Bedingungen seiner Zeit entgegen. Diese Schicht der frühen Intelligenz... befand sich in mancherlei Abhängigkeiten...“ [Brendler, 1983. P. 344].

Сравниваться могут события, имевшие место в более ранние или поздние исторические периоды. Так, Л. Галль (ФРГ) сравнивает войны 1866 г. и Франко-прусскую, объясняя их характер, сходство в проблемах и способах решения: „...das, was zugleich die Kriege von 1866 und 1870/71 charakterisiert: Dass hier wie dort... unter möglicher Bewahrung des Bestehenden nur dem eine neue Form zu geben versucht wurde, was... so oder so nach Geltung und Durchsetzung drängte“ [Gall, 2002. P. 425].

Тактика *апелляции к возможному прошлому* позволяет объяснять события путем моделирования ситуации, в которой история могла бы пойти иначе [Рикер, 1998. С. 213; Dorschel, 2008. P. 33]. Приведение такой альтернативы свидетельствует о кризисном характере того или иного события, об особой его значимости [Meier, 1979. P. 242–244; Степанова, 2013. С. 39].

Альтернативность в анализируемых текстах реализуется при помощи приемов удаления и добавления [Нехамкин, 2006. С. 137–138]. Например: „...wie hätten sich die Dinge... entwickeln können, wenn 1520 oder 1530 ein Konzil einberufen worden wäre?“ [Kantzenbach, 1972. P. 74] (добавление событий); „Gab es in Preußen tatsächlich ein Bürgertum, das die Rolle des Adels hätte übernehmen können? Dies lässt sich mit Sicherheit nicht guten Gewissens bejahen“ [Aretin, 1985. P. 110] (добавление фактора); „Wären die Russen Friedrich gefolgt, sie hätten ihn vernichten können“ [Aretin, 1985. P. 99] (добавление события и удаление личности).

Тактика *опровержения* носит диалогический характер, поскольку позволяет аргументированно развенчивать популярные мнения и трактовки, например, легенду о «95 тезисах» Мартина Лютера, прибитых на дверях церкви: „Dass Luther die Thesen angeschlagen habe, behauptet sein Freund Melancthon erst 1546... Von einem Anschlag der Thesen an der Schlosskirche zu Wittenberg sagt Luther selbst nichts“ [Kantzenbach, 1972. P. 27]; „Beim Thesenanschlag handelte es sich nur der Form nach um einen Aufruf zur akademischen Disputation, nicht der Sache nach“ [Brendler, 1983. P. 115].

Стратегия информирования

В анализируемых текстах стратегия информирования реализуется при помощи тактик рациональной аргументации, апелляции к личному авторитету и неопределенности. Информирование осуществляется с опорой на свидетельства, документы [Хазагеров, Лобанов, 2004. С. 107, 109] и утверждения о существовании чего-либо (*Existenzbehauptungen*) [Baumgartner, 1977. P. 428].

Тактика *рациональной аргументации* напрямую связана со свидетельствами и документами. Свидетельствами в анализируемых биографиях являются дневники, письма, воспоминания. Так, биографы М. Лютера на основе свидетельств «протагониста» и его современников информируют о ходе Реформации и Шмалькальденском союзе князей [Kantzenbach, 1972. P. 73; Brendler, 1983. P. 409]. Ссылки на конкретные свидетельства предоставлены с указанием названий и дат: „Neben den kürzeren Schmalkaldischen Artikeln (1536) und der aus dem Jahre 1539 stammenden Schrift „Von den Conciliis und Kirchen“ eignet sich der Große Katechismus am besten für eine erste Begegnung mit dem Theologen Luther“ [Kantzenbach, 1972. P. 70] и др.

Документы, в отличие от свидетельств, представляют собой оставленные историческими личностями письменные памятники [Хазагеров, Лобанов, 2004. С. 109]. В частности, биографы Фридриха II ссылаются на его философский труд *Antimachiavell* [Aretin, 1985. P. 9, 45, 106–107; Mittenzwei, 1987. P. 33–36] и политические завещания [Aretin, 1985. P. 106; Mittenzwei, 1987. P. 101, 145], а биографы Мартина Лютера – на его богословские сочинения: “Das Thema der im März 1517 erschienenen Erklärung der sieben Bußpsalmen, auch der 62. These [Luthers] berühmten 95 Sätze von 1517 wird schon angeschlagen in seinem Brief an einen Ordensgenossen...” [Kantzenbach, 1972. P. 26].

Тактику рациональной аргументации также реализуют примечания [Börner, 1984. P. 9, 16, 20, 25, 29, 38; Mittenzwei, 1987. P. 17, 21, 27, 34, 55; Engelberg, 1991. P. 17, 51, 131, 147] и тол-

кования терминов. Данный коммуникативный ход свидетельствует о близости историко-биографических текстов к научно-популярным [Хазагеров, Лобанов, 2004. С. 180]. Например: „... [der Neuling] hatte sich vorzubereiten auf die „Profeß“, auf das Ablegen der Gelübde von Armut, Keuschheit und Gehorsam...“ [Brendler, 1983. P. 27] (пояснение термина, обозначающего монашеский обет). Пояснения могут быть классифицированы как «утверждения о существовании».

Цитирование свидетельств и документов реализуют также тактику *апелляции к личному авторитету*, если приведенные памятники формируют образ исторической личности. В частности, при анализе переписки Отто фон Бисмарка с Мари фон Тадден Э. Энгельберг (ГДР) цитирует сочиненные Бисмарком стихи, характеризующие их автора как человека разностороннего:

„Am letzten Dienstag sagten Sie,
Es fehlte mir an Poesie.
Damit Sie nun noch klar ersehn,
Wie sehr Sie mich da missverstehn,
So schreib ich Ihnen, Frau Marie,
In Versen, gleich des Morgens früh“ [Engelberg, 1991. P. 180].

Тактика *неопределенности* выражается в указании на неточную информацию, например: „Die Familie Luder, Ludher oder Lüder war im Westen des Thüringen Waldes ansässig. Das Dorf Möhra galt als Stammsitz“ [Kantzenbach, 1972. P. 17]. На неопределенность указывают различные варианты написания фамилии, а также употребление глагола *gelten (als)* (считаться) вместо *sein* (быть).

Стратегия самопрезентации

Самопрезентация как риторическая стратегия ценна создаваемым эффектом достоверности [Ван Дейк, 2000. С. 296–297, 300]. Эту стратегию реализуют тактики персонализации, аттрактивации и апелляции к авторитетам.

Персонализация представляет собой сигналы авторского присутствия в тексте: субъективные автономинания (личные местоимения *ich, wir*). Местоимение «я» в научных текстах расщепляется на три аспекта: «я» сочинителя, «я» исследователя и «я» повествователя [Steinhoff, 2007. P. 2, 7, 9]. «Я» сочинителя (*Verfasser-Ich*) указывает на этапы исследования и прослеживается при указании историографом на цели и задачи труда. В частности, в следующем отрывке Э. Энгельберг отмечает аспекты личности и эпохи, которые планирует осветить – «движущие силы истории» и на их фоне различные стороны личности «протагониста»: „Was *ich*... zu vermitteln versucht hatte, sollte zwar in die Biographie eingehen, aber nun wollte *ich* Bismarcks Persönlichkeit in den Mittelpunkt der Darstellung stellen, politisch, menschlich, möglichst allseitig. Dabei konnte *ich* (курсив мой) seine Herkunft, Jugend und Frühzeit nicht summarisch abtun“ [Engelberg, 1991. P. 9].

«Я» исследователя (*Forscher-Ich*) отождествляется с аспектом личности ученого, представляющего свою гипотезу или основную мысль. У того же Э. Энгельберга данный аспект связан с указанием на противоречивость личности «протагониста» и объяснением ею его действий: „Deutlicher als früher erkannte *ich*, wie stark, vielschichtig-widerspruchsvoll und reich er als Persönlichkeit war und wie er sich dadurch als fähig erwies, die nach der gescheiterten Revolution von 1848 offenen Probleme auf seine Art von oben zu lösen“ [Engelberg, 1991. P. 9].

«Я» повествователя (*Erzähler-Ich*) передает субъективное отношение историографа к проблеме. Э. Энгельберг поясняет, что заинтересовался личностью Отто фон Бисмарка вследствие антипатии к канцлеру: „Zunächst: *Ich* komme von der Gegenposition. Empörung gegen den Verfasser des Sozialistengesetzes *bewegte mich*, als *ich*... meine Dissertation über [Bismarck] schrieb“ [Engelberg, 1991. P. 9].

Западногерманские авторы, в отличие от восточногерманских, соблюдают запрет на «я» и используют местоимение *wir*. Например: „1740 wurden die alten Rechtsprinzipien

der europäischen Politik von diesem jungen König mit einer, *wie wir sehen werden*, unglaublichen Leichtfertigkeit in Scherben geschlagen“ [Aretin, 1985. P. 12].

Тактика *аттрактивации* реализуется при помощи настоящего времени глагола, указывающего на временной план историографа: „*Geschichtlich gehören Luther und Müntzer zusammen*. Einer ist ohne den anderen nicht möglich und gerade für *die Zeit*, in der ihr Gegensatz manifest wurde, auch nicht erklärbar“ [Brendler, 1983. P. 322]. Из лексических средств стоит отметить анахронизмы и заимствования, например: „Der Preußenkönig beherrschte für seine Zeit das Geschäft der „public relation“ nicht weniger schlecht als mancher spätbürgerliche Politiker heute“ [Mittenzwei 1987. P. 56] (анахронизм/англицизм). С точки зрения времени маркерами аттрактивации в рамках самопрезентации являются пролепсы: „Unter [Friedrich Wilhelm] nahm das Leben der gesamten Gesellschaft jenen militärischen Zuschnitt und jene barbarischen Züge an, ... *die sich als unheilvolle Tradition in der deutschen Geschichte fortsetzten*“ [Mittenzwei, 1987. P. 14] (пролепса, соотносящаяся с дальнейшим ходом истории).

Апелляция к авторитетам также реализует стратегию самопрезентации. В частности, Г. Брендлер, ссылаясь на авторитет историка Г. Чебица, формулирует задачу своего труда – завершить начатую Чебицем работу, сделав акцент на личности М. Лютера: „...*konzentrierte sich Gerhard Zschäbitz darauf, das gesellschaftliche Umfeld, in dem Martin Luther wirkte, darzustellen*... Da dies auch in den marxistischen Gesamtdarstellungen zur Geschichte der frühbürgerlichen Revolution ausführlich geschehen ist, *konnte ich mich... mehr Luthers geistiger Entwicklung und seinem individuellen Verhalten zuwenden*“ [Brendler, 1983. P. 7].

Стратегия объективации

Стратегия *объективации* представляет собой противоположность самопрезентации. С ней связана анонимность и обезличенность теоретического дискурса. Реализуется данная стратегия в тактиках косвенного обращения, неопределенности, апелляции к групповому авторитету.

Как уже отмечалось, в предисловиях восточногерманских исторических биографий историографы указывают на различные ипостаси «я» исследователя эксплицитно, при помощи местоимения *ich*. Западногерманские историографы, напротив, в предисловиях прибегают к объективации, используя вместо местоимения 1-го лица местоимение *man*. Например: „*Man sollte es unterlassen, Luther und Hitler in einem Atemzug zu nennen*...“ [Kantzenbach, 1972. P. 14]. Поскольку в данном случае местоимение *man* включает в себя не только адресанта, но и адресата, «наводя» его на избранное историографом толкование, здесь проявляется тактика *косвенного обращения* [Голоднов, 2011. С. 242–243].

В основном повествовании, в отличие от предисловий, и восточно-, и западногерманские историографы используют местоимение *man*. Оно может указывать на неосведомленность историографа, реализуя тактику *неопределенности*, например: „Von Friederike weiß *man*, dass sie [des Prinzen] aggressiven Charme erlegen ist“ [Herre, 1983. P. 19].

Тактику *апелляции к групповому авторитету* в рамках объективации реализуют референциальные обозначения, такие как *der Historiker, der Forscher*: „...Ob der Preußenkönig ... eine Persönlichkeit war, die mit Recht groß genannt werden kann, ...darüber kann der Historiker nicht urteilen“ [Mittenzwei, 1987. P. 81]; „Sofern sich der Forscher dabei von der Annahme leiten lässt, dass in der jeweiligen Quelle etwas berichtet wird, was nicht nur eine einmalige Kuriosität darstellt...“ [Brendler, 1983. P. 52].

Стратегия оценки

Стратегия *оценки* реализуется в тактиках описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к авторитетам, сравнения и аттрактивации.

Использование тактик описания оценочных ориентиров и приписывания оценочных характеристик делает историко-биографический дискурс близким к научно-популярному. *Описание оценочных ориентиров* намечается в предисловиях при постановке целей, задач, обосновании методологии. Так, Л. Галль ставит целью обоснование роли «протагониста» в истории с учетом субъективных и объективных факторов: „Haben jene recht, die Bismarck ... vorwarfen, die Nation auf einen Irrweg geführt... zu haben...? Oder werden hier... die wahren geschichtlichen Zusammenhängen gerade verstellt, indem aus dem Blick gerät, in wie starkem Maße auch Bismarck... in seiner Person und in seinem Wirken die vorherrschenden Tendenzen und Kräfte seiner Zeit repräsentierte?... Die Antwort steckt weder allein in dem „Subjektiven“: Was wollte der Mann...? Noch steckt sie ausschließlich in dem „Objektiven“: Was hat er tatsächlich bewirkt...? Sie steckt in beidem... Kurz, sie steckt in der nüchternen Erkundung des Spielraums, den die historische Konstellation, die sie bestimmenden überindividuellen Kräfte und Tendenzen seiner Person und seinem Wirken ließen“ [Gall, 2002. P. 24–25].

Обозначенные во вступлениях оценочные ориентиры отражены и в основном повествовании. В частности, биографы Фридриха II критикуют своего «героя» за несоответствие его действий заявленной программе Просвещения, за нарушение обещаний: „Schon der „Natzmer-Brief“ und der „Antimachiavell“ hatten gezeigt, dass der Preußenkönig in Fragen des Krieges nicht auf den Positionen der Aufklärung stand“ [Mittenzwei, 1987. P. 56]; „Als Friedrich 1745 aus dem Österreichischen Erbfolgekrieg ausschied, war das mit dem Gelöbnis geschehen, er werde „fortan keine Katze mehr angreifen“. 1756 wurde er rückfällig. Am 26. August dieses Jahres fielen ohne vorherige Kriegserklärung preußische Truppen in einer Stärke von 61 000 Mann in Sachsen ein“ [Aretin, 1985. P. 74].

Оценочными ориентирами служат также предикаты «моральное/аморальное», «гуманное/жестокое». Например, К. О. фон Аретин критикует Фридриха за презрение к народу: „[Friedrichs] Art des Regierens trug bei der Verachtung, die er für sein Volk empfand, geradezu koloniale Züge“ [Aretin, 1985. P. 116]; К. Х. Бернер (ГДР) критикует деда короля Вильгельма за оккультизм и фаворитизм: „So konnte sich der König vorrangig den Sinnesfreuden hingeben und mit okkultistischen Spielereien beschäftigen. Unter seiner Regierung war die Mattressenwirtschaft gang und gäbe...“ [Börner, 1983. P. 13].

Другой оценочный ориентир – соответствие «духу времени»; он выражается через предикаты «устаревший/современный», «прогрессивный/реакционный». И в восточно-, и в западногерманских текстах консерваторы оцениваются негативно, например: „Sie waren unfähig zu historisch vorwärtsweisenden Initiativen, aber auch hasenherzig und mitunter repressiv bei der Abwehr der nationalen Bewegung selbst in der gemäßigten Form des Nationalvereins“ (о союзе немецких князей) [Engelberg, 1991. P. 429]; „Massiv versuchte die Regierung, die Neuwahlen zum Abgeordnetenhaus am 28. Oktober 1863 in ihrem Sinne zu beeinflussen... In Preußen war nichts gewonnen und in Deutschland viel verloren. Der König und sein Ministerpräsident hatten die liberale, propreußische, kleindeutsche Bewegung zurückgestoßen...“ [Herre, 1984. P. 319].

Тактика *приписывания оценочных характеристик* связана с оценочными номинациями персонажей и их действий. Она позволяет говорить о близости историко-биографического дискурса к научно-популярному, в котором использование средств выразительности является одной из особенностей [Хазагеров, Лобанов, 2004. С. 180; Чернявская, 2007. С. 43–45]. Например, Ф. Герре (ФРГ) дает отрицательную характеристику королю Фридриху Вильгельму IV: „Dieser Hohenzoller schrieb zu viel. Die Feder, so hurtig sie auch über das Papier strich, konnte dem Fliegen und Flattern der Gedanken kaum folgen... Und er redete mehr, als er zu sagen hatte, mit pastoraler Stimme...“ [Herre, 1984. P. 164]. Экспрессивность достигается также за счет парафразы (*dieser Hohenzoller*) и олицетворения (*Die Feder...*).

Одни и те же события могут получать в «параллельных» западно- и восточногерманских биографиях разную оценку. Так, оба биографа Вильгельма I повествуют о революции 1848 года, но у Ф. Герре (ФРГ) она характеризуется как «кровавая» („das *blutige Drama* auf den

Straßen [der] Hauptstadt“ [Herre, 1984. P. 189]), а у К. Х. Бернера подчеркивается ее победоносность и значимость для истории: „Mit dem *siegreichen* Verlauf der Revolution in Berlin und Wien waren die *stärksten Bastionen des Absolutismus* in Deutschland zerschlagen“ [Börner, 1983. P. 75].

Интертекстуальный характер оценочных характеристик имеет место при прямом или косвенном цитировании текстов, не являющихся историческими документами. Так, один из разделов у Л. Галля назван *Der Zauberlehrling* [Gall, 2002. P. 529] и отсылает к стихотворению И. В. Гете. Историограф сравнивает Бисмарка с героем стихотворения, призывавшим злые силы, которые обернулись против него: „[Bismarck] wurde... zum Zauberlehrling, der die Größe seines Erfolges mit der Größe seiner Niederlage... bezahlte...“ [Gall, 2002. P. 840].

Оценочными характеристиками также являются клишированные номинации персонажей, например, «Фридрих Великий» (ср. [Мовчан, 2017. С. 157]). И. Миттенцвай (ГДР) рассматривает эту номинацию подробно, размышляя, что есть «величие» и за что Фридрих мог бы заслужить такое прозвище: „Es war also der Kriegsheld Friedrich, der damals von den Zeitgenossen als *groß* gefeiert wurde... Einmal in Gebrauch..., von preußenfreundlichen Historikern aufgenommen, bürgerte sich die Bezeichnung in die Umgangssprache ebenso ein wie der mehr familiäre und vertraute „alte Fritz“. Größe ist... nur messbar im Vergleich... Ob der Preußenkönig aber eine Persönlichkeit war, die mit Recht groß genannt werden kann, weil sie... das Rad der Weltgeschichte ein Stückchen weitergedreht hatte, darüber kann der Historiker nicht urteilen, nachdem er erst die Anfangsjahre seines „Helden“ geschildert hat. Die Aufhellung der Gründe für die ehrenvolle Bezeichnung „der Große“ sollte lediglich kritische Distanz wecken...“ [Mittenzwei, 1987. P. 80–81].

Стратегию оценки также реализует тактика *апелляции к авторитетам*, при которой оценочное мнение приписывается историческим персонажам. Так, по К. О. фон Аретину, отец Фридриха считал сына лжецом и бунтарем: „Der König sah in dem Sohn <...> einen verlogenen Verschwender, der sich mit Schach- und Winkelzügen hinterrücks den Anordnungen des Vaters widersetzte“ [Aretin, 1985. P. 34]; И. Миттенцвай высказывает надежды народа (социального индивида) по поводу вступления Фридриха на престол: „Nach dem harten Regime Friedrich Wilhelms I. hofften viele auf eine Erleichterung“ [Mittenzwei, 1987. P. 37].

Тактика *сравнения* реализуется в исторических параллелях, несущих оценочную окраску. Так, К. Х. Бернер сравнивает Вильгельма и его брата Фридриха Вильгельма IV, отмечая, что после мартовской революции они «поменялись местами», т. е. взглядами: „Im Vergleich zum Vormärz hatten Prinz Wilhelm und Friedrich Wilhelm IV. Ihre Plätze getauscht. War von Wilhelm zunächst der Anspruch der junkerlich-monarchistischen Alleinherrschaft vertreten... worden, während der König geringfügige Reformen zugestand, so zeigte sich der Prinz jetzt gegenüber „notwendigen“ Reformschritten aufgeschlossener, wogegen Friedrich Wilhelm die Absichten der reaktionärsten Teile des Junkertums begünstigte“ [Börner, 1983. P. 112–113].

Личности, с которыми проводятся оценочно окрашенные параллели, могут иметь прецедентный характер (например, Наполеон и Гитлер): „Wer die europäische Geschichte kennt, weiß, dass das oben entwickelte Bild von Großmachtpolitik in der Vergangenheit keine Stütze findet. Auch ein Ludwig XIV., ein Napoleon und nach ihm das Wilhelminische und Hitlerische Deutschland haben den Thesen Machiavellis geglaubt...“ [Aretin, 1985. P. 151]. Биографы Мартина Лютера сравнивают своего «героя» с Яном Гусом, например: „Das Schicksal von Jan Hus vor Augen, bedrückte [Luther] die Schande, die er seinen Eltern machen würde, wenn er nun brennen müsste“ [Brendler, 1983. P. 144].

Данным тактикам близка тактика *аттрактивации* (привлечения внимания). Наибольший эффект она имеет в паратекстуальных элементах [Genette, 1989] (ср. [Мовчан, 2018-1]), прежде всего в заголовках самих биографий и их разделов [Мовчан, 2018-2]. Заголовки исторических биографий сопровождаются подзаголовками, в которых (в первую очередь в западногерманских текстах) прослеживается оценка (см. таблицу).

ФРГ	ГДР
Friedrich der Große. Größe und Grenzen des Preußenkönigs. Bilder und Gegenbilder	
Bismarck. Der weiße Revolutionär	Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer
Martin Luther. Der bürgerliche Reformator	Martin Luther. Theologie und Revolution
Wilhelm I. Der letzte Preuße	

Слова и словосочетания *Urpreuße, der letzte Preuße, der weiße Revolutionär, der bürgerliche Reformator* несут эмоциональную нагрузку, образы Бисмарка и Вильгельма представлены как символы имперской Пруссии, а образ Лютера – как символ революции.

Промежуточные заголовки реализуют тактику аттрактивации в тексте Г. Брендлера при помощи повторов и параллелизма (*mit... gegen, mit... für*): *Mit dem Glauben gegen die Scholastik. 1516–1517* [Brendler, 1983. P. 76]; *„Aus reiner Liebe zur Wahrheit“. Mit dem Glauben gegen die Betrüger des Volkes. Oktober 1517 – März 1518* [Ebd. P. 101]; *„Mit dem Adel gegen Rom. Die Reformationsprogrammatische von 1520* [Ebd. P. 186].

Тактику аттрактивации также реализует эпиграф, иллюстрирующий оценку историографом выбранной личности. Так, Л. Галль предваряет свою биографию эпиграфом из работы экономиста и политика Л. Бамбергера *Monsieur de Bismarck*: „Man kann keinen Augenblick daran zweifeln, dass er ein geborener Revolutionär war. Denn man wird als Revolutionär geboren wie als Legitimist, nach der Art der geistigen Anlage, während der Zufall allein darüber entscheidet, ob die Umstände des Lebens aus dem gleichen Menschen einen Weißen oder einen Roten machen“ [Gall, 2002. P. 15]. Эпиграф не только объясняет выбор подзаголовка *Der weiße Revolutionär*, но и указывает на идеологическую позицию историографа по поводу роли личности в истории.

Эпиграф Э. Энгельберга взят из трудов Г. В. Ф. Гегеля: „Das Interesse der Biographie... scheint direkt einem allgemeinen Zwecke gegenüber zu stehen, aber sie selbst hat die historische Welt zum Hintergrunde, mit welchem das Individuum verwickelt ist...“ [Engelberg, 1985, VII]. Привлекая внимание реципиента к высказанным мыслям, историограф подчеркивает цель биографии: выразить связь между личностью и эпохой.

Помимо паратекстов, тактику аттрактивации реализует и основной текст. Так, Ф. Герре начинает свою биографию с истории будущей королевы Луизы, и аттрактивация здесь выражена в начале *in medias res*. Персонаж Луизы вводится при помощи местоимения *sie*, а не имени: „Sie kam nicht durch das Brandenburger Tor. Die Triumphpforte... blieb Siegesparaden vorbehalten, worauf die Nachkommen Friedrich des Großen abonniert zu sein glaubten“ [Herre, 1984. P. 9].

Аттрактивации также способствует эффект «замедления» времени. Например, Г. Брендлер (ГДР) при повествовании о прибытии Лютера на диспут в Вормс передает все детали этого события и уточняет время по часам: „Am Dienstag, dem 16. April 1521, vormittags gegen 10 Uhr, rollten Luther und seine Begleiter ... durch das Martinstor nach Worms hinein ... An die hundert berittene Edelleute hatten ... ihm das Geleit gegeben ... Trompeten verkündeten das Ereignis...“ [Brendler, 1983. P. 233]. Такая подробность подчеркивает значимость события с позиции историографа.

Заключение

Историо-биографический нарратив ГДР и ФРГ занимает околопериферийное положение в риторическом метадискурсе, и основной риторической стратегией в нем является аргументативная стратегия нарративности, реализуемая при помощи частных стратегий и тактик, способствующих успешной коммуникации. Так, стратегию объяснения реализуют тактики рациональной аргументации, апелляции к личному или групповому авторитету, описания оценочных ориентиров, сравнения, апелляции к возможному прошлому, опровержения. Стратегия

информирования выражена в тактиках рациональной аргументации, апелляции к личному авторитету и неопределенности. Стратегию самопрезентации реализуют тактики персонализации (при этом в восточногерманских текстах нарушается запрет на местоимение «я»), аттрактивации и апелляции к авторитетам; противоположную ей стратегию объективации – тактики косвенного обращения, неопределенности и апелляции к групповому авторитету. Стратегию оценки реализуют тактики описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к авторитетам, сравнения и аттрактивации (в частности, в паратекстах; при этом западногерманские заголовки имеют более экспрессивный характер).

Отдельные черты немецкоязычных исторических биографий (междисциплинарность при объяснении, толкование терминов, эмоциональная оценка) указывает на близость их к научно-популярным текстам.

Список литературы

- Бондарева Л. М.** Лингвокогнитивные и текстотипологические параметры ретроспективного дискурса (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2019. 43 с.
- Брокмейер Й., Харре Р.** Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. 2000. URL: <http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (дата обращения: 06.07.2023).
- Ван Дейк Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Голоднов А. В.** Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). СПб.: Астерион, 2011. 344 с.
- Данто А.** Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
- Мовчан М. К.** Особенности языковой реализации нарративных стратегий в историческом дискурсе ГДР // Коммуникативная культура: история и современность. Мат-лы VII Международной научно-практической конференции. Новосибирск: НГУ, 2017. С. 156–159.
- Мовчан М. К.** Дискурсивный потенциал заголовков историко-биографических текстов // Герценовские чтения: Иностранные языки. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 65–66.
- Мовчан М. К.** Паратексты как частная нарративная стратегия в историческом дискурсе ГДР и ФРГ // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Мат-лы IX Международной научной конференции. Т. 2. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2018. С. 64–67.
- Нехамкин В. А.** Сослагательное наклонение в историческом познании // Вестник РАН. М., 2006. Т. 76. № 2. С. 135–138.
- Рикер П.** Время и рассказ. Т. 1. М., СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Степанова В. В.** Альтернативы исторического развития Германии в XIX веке. Нижневартонск: Изд-во Нижневартонского гос. ун-та, 2013. 240 с.
- Терпугова А. В.** Биографический текст как объект лингвистического исследования: Дис. ... канд. филол. наук. М.: 2011. 251 с.
- Тодоров Ц.** Поэтика // Структурализм: «за» и «против» (Сб. статей). М.: Прогресс, 1975. С. 37–113.
- Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б.** Риторика. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 384 с.
- Чернявская В. Е.** Интерпретация научного текста. М.: URSS, 2007. 128 с.
- Baumgartner H. M.** Die subjektiven Voraussetzungen der Historie und der Sinn von Parteilichkeit // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Bd. 1. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. S. 425–440. (на нем. яз.)

- Baumgartner H. M.** Erzählung und Theorie in der Geschichte // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Bd. 3. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 259–289. (на нем. яз.)
- Benjamin W.** Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolaj Lesskows. // Gesammelte Schriften. Bd. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1991. S. 438–465. (на нем. яз.)
- Brinks J. H.** Die DDR-Geschichtswissenschaft auf dem Weg zur deutschen Einheit. Luther, Friedrich II. und Bismarck als Paradigmen politischen Wandels. Frankfurt/NY: Campus Verlag, 1992. 342 S. (на нем. яз.)
- Chatman S.** Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film. London: Cornell University Press, 1989. 277 pp. (на англ. яз.)
- Dorschel A.** Historische Konjunktive: zur Geschichtsschreibung des Möglichen // Vom Preis des Fortschritts: Gewinn Und Verlust in der Musikgeschichte. Wien: Universal Edition, 2008. S. 33–52. (на нем. яз.)
- Genette G.** Paratexte. Frankfurt/NY: Campus Verlag, 1989. 391 S. (на нем. яз.)
- Hardtwig W.** Theorie oder Erzählung – eine falsche Alternative // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Bd. 3. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 290–299. (на нем. яз.)
- Köppe T., Kindt T.** Erzähltheorie: Eine Einführung. Stuttgart: Reclam, 2014. 294 S. (на нем. яз.)
- Lämmert E.** Bauformen des Erzählens. Stuttgart, J. B. Metzler, 1955. 296 S. (на нем. яз.)
- Meier Chr.** Von der Schwierigkeit, ein Leben zu erzählen. Zum Projekt einer Caesar-Biographie // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Bd. 3. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 229–258. (на нем. яз.)
- Pfeifer H.** Das liberale Metanarrativ und Identitätskonflikte: Wider den liberalen Gerechten Frieden als Skript für die Lösung des israelisch-palästinensischen Konfliktes // Politische Narrative. Konzepte – Analysen – Forschungspraxis. Wiesbaden: Springer, 2014. S. 259–283. (на нем. яз.)
- Steinhoff T.** Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik, Vol. 35. Berlin / Boston: De Gruyter, 2007. S. 1–26. (на нем. яз.)
- Velleman J. D.** Narrative Explanation // The Philosophical Review, Vol. 112, No. 1. NY: Duke University Press, 2003. Pp. 1–25. (на англ. яз.).

Список источников

- Aretin K. O. von.** Friedrich der Große. Größe und Grenzen eines Preußenkönigs. Freiburg: Herder, 1985. 173 S. (на нем. яз.)
- Börner K. H.** Kaiser Wilhelm I. 1797 bis 1888. Deutscher Kaiser und König von Preußen. Eine Biographie. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1984. 292 S. (на нем. яз.)
- Brendler G.** Martin Luther: Theologie und Revolution. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften. 452 S. (на нем. яз.)
- Engelberg E.** Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin: Akademie-Verlag, 1985. 855 S. (на нем. яз.)
- Engelberg E.** Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. 711 S. (на нем. яз.)
- Gall L.** Bismarck: Der Weiße Revolutionär. München: Ullstein, 2002. 926 S. (на нем. яз.)
- Herre F.** Wilhelm I. Der letzte Preuße. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1983. 573 S. (на нем. яз.)
- Kantzenbach F.-W.** Martin Luther. Der bürgerliche Reformator. Göttingen: Musterschmidt, 1972. 104 S. (на нем. яз.)
- Mittenzwei I.** Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1987. 250 S. (на нем. яз.)

References

- Bondareva L. M.** Lingvokognitivnye i tekstotipologicheskiye parametry retrospektivnogo diskursa (na materiale nemetskogo yazyka) [Linguo-cognitive and textual-typological parameters of retrospective discourse (exemplified by the German language)]: Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Arkhangelsk, 2019. 43 pp. (in Russ.)
- Brockmeier J., Harré R.** Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy alternativnoy paradigmy [Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm] 2000. URL: <http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (accessed 06. 07. 2023). (in Russ.)
- Van Dijk T. A.** Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication] Blagoveshchensk: BGK im. J. A. Baudouin de Courtenay, 2000. 308 pp. (in Russ.)
- Golodnov A. V.** Ritoricheskiy metadiskurs: osnovaniya pragmalinguisticheskogo modelirovaniya i sotsiokulturnoy realizatsii (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [Rhetorical meta-discourse: Basics of pragmalinguistic modeling and socio-cultural realization (exemplified by the modern German language)]. SPb., Asterion publ., 2011. 344 pp. (in Russ.)
- Danto A.** Analiticheskaya filosofiya istorii [Analytical philosophy of history]. Moscow, Idea-Press, 2002. 292 pp. (in Russ.)
- Movchan M. K.** Osobennosti yazykovoy realizatsii narrativnykh strategiy v istoricheskom diskurse GDR [Peculiarities of language realization of narrative strategies in the GDR historical discourse]. *Kommunikativnaya Kultura: Istoriya i Sovremennost'*. Materials of the 7th International Scholarly Conference. Novosibirsk: NSU, 2017. Pp. 156–159. (in Russ.)
- Movchan M. K.** Diskursivnyy potentsial zagolovkov istoriko-biograficheskikh tekstov [Discursive potential of titles in historical biographies]. Herzen's Readings: Foreign Languages. SPb.: Herzen Pedagogical University, 2018. Pp. 65–66. (in Russ.)
- Movchan M. K.** Parateksty kak chastnaya narrativnaya strategiya v istoricheskom diskurse GDR i FRG [Paratexts as a specific narrative strategy in the GDR and FRG historical discourse]. *Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektakh*. Materials of the 9th International Scholarly Conference. Vol. 2. Chelyabinsk: ChelGU, 2018. Pp. 64–67. (in Russ.)
- Nekhamkin V. A.** Soslagatelnoye nakloneniye v istoricheskom poznanii [Subjunctive Mood in historical knowledge]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk*. M.: 2006. Vol 76, No. 2. Pp. 135–138. (in Russ.)
- Ricoeur P.** Vremya i rasskaz [Time and Narrative]. Vol. 1. M., Spb.: Universitetskaya kniga, 1998. 313 pp. (in Russ.)
- Stepanova V. V.** Alternativy istoricheskogo razvitiya Germanii v XIX veke [Alternatives of Germany's historical development in the 19th century]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University, 2013. 240 pp. (in Russ.)
- Terpugova A. V.** Biograficheskiy tekst kak obyekт linguisticheskogo issledovaniya [Biographical text as an object of linguistic research]: Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2011. 251 pp. (in Russ.)
- Todorov Tz.** Poetika [Poetics]. Strukturalizm: “za” i “protiv” [Structuralism: For and Against] (Article collection). Moscow, Progress publ., 1975, pp. 37–113. (in Russ.)
- Khazagerov G. G., Lobanov I. B.** Ritorika [Rhetorics]. Rostov-on-Don.: Feniks, 2004, 384 pp. (in Russ.)
- Chernyavskaya V. E.** Interpretatsiya nauchnogo teksta [Scientific text interpretation]. Moscow, URSS publ., 2007, 128 pp. (in Russ.)
- Baumgartner H. M.** Die subjektiven Voraussetzungen der Historie und der Sinn von Parteilichkeit [The subjective premises of history and the sense of partiality]. Studies group „Theorie der Geschichte“ [History theory]. Vol. 1. Munich, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977, pp. 425–440. (in Germ.)

- Baumgartner H. M.** Erzählung und Theorie in der Geschichte [Narration and theory in history]. Studies group „Theorie der Geschichte“ [History theory]. Vol. 3. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. Pp. 259–289. (in Germ.)
- Benjamin W.** Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolaj Lesskows. [The Narrator. Observations on Nikolay Leskov's Work]. Gesammelte Schriften [Complete set of works]. Vol. 2. Frankfurt: Suhrkamp, 1991. Pp. 438–465. (in Germ.)
- Brinks J. H.** Die DDR-Geschichtswissenschaft auf dem Weg zur deutschen Einheit. Luther, Friedrich II. und Bismarck als Paradigmen politischen Wandels [The GDR historical studies on the way to the German unity. Luther, Friedrich II and Bismarck as paradigms of political change]. Frankfurt/NY, Campus Verlag, 1992, 342 pp. (in Germ.)
- Chatman S.** Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film. London, Cornell University Press, 1989, 277 pp.
- Dorschel A.** Historische Konjunktive: zur Geschichtsschreibung des Möglichen [Historical conjunctives: On historical writing of the possible]. Vom Preis des Fortschritts: Gewinn Und Verlust in der Musikgeschichte [On the price of progress: Winning and losing in the music history]. Wien: Universal Edition, 2008, pp. 33–52. (in Germ.)
- Genette G.** Paratexte [Paratexts]. Frankfurt/NY, Campus Verlag, 1989, 391 pp. (in Germ.)
- Hardtwig W.** Theorie oder Erzählung – eine falsche Alternative [Theory or narration / a false alternative]. Studies group „Theorie der Geschichte“ [History theory]. Vol. 3. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. Pp. 290–299. (in Germ.)
- Köppe T., Kindt T.** Erzähltheorie: Eine Einführung [Narrative theory: an introduction]. Stuttgart, Reclam, 2014, 294 pp. (in Germ.)
- Lämmert E.** Bauformen des Erzählens [Shapes of narration]. Stuttgart, J. B. Metzler, 1955, 296 pp. (in Germ.)
- Meier Chr.** Von der Schwierigkeit, ein Leben zu erzählen. Zum Projekt einer Caesar-Biographie [On the difficulty to tell a life story. On the project of Caesar's biography]. Studies group „Theorie der Geschichte“ [History theory]. Vol. 3. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. Pp. 229–258. (in Germ.)
- Pfeifer H.** Das liberale Metanarrativ und Identitätskonflikte: Wider den liberalen Gerechten Frieden als Skript für die Lösung des israelisch-palästinensischen Konfliktes [The liberal metanarrative and identification conflicts: against the liberal Fair Peace as a script for solving the Israeli-Palestinian conflict]. Politische Narrative. Konzepte – Analysen – Forschungspraxis [Political narratives. Concepts – analyses – research practice]. Wiesbaden, Springer, 2014. Pp. 259–283. (in Germ.)
- Steinhoff T.** Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten [On the usage of *ich* in scientific texts]. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, Berlin / Boston: De Gruyter, 2007, vol. 35, pp. 1–26. (in Germ.)
- Velleman J. D.** Narrative Explanation. *The Philosophical Review*, NY: Duke University Press, 2003, vol. 112, no. 1, pp. 1–25.

List of Sources

- Aretin K. O. von.** Friedrich der Große. Größe und Grenzen eines Preußenkönigs. Freiburg: Herder, 1985. 173 S. (in Germ.)
- Börner K. H.** Kaiser Wilhelm I. 1797 bis 1888. Deutscher Kaiser und König von Preußen. Eine Biographie. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1984. 292 S. (in Germ.)
- Brendler G.** Martin Luther: Theologie und Revolution. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften. 452 S. (in Germ.)
- Engelberg E.** Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin: Akademie-Verlag, 1985. 855 S. (in Germ.)

- Engelberg E.** Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. 711 S. (in Germ.)
- Gall L.** Bismarck: Der Weiße Revolutionär. München: Ullstein, 2002. 926 S. (in Germ.)
- Herre F.** Wilhelm I. Der letzte Preuße. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1983. 573 S. (in Germ.)
- Kantzenbach F.-W.** Martin Luther. Der bürgerliche Reformator. Göttingen: Musterschmidt, 1972. 104 S. (in Germ.)
- Mittenzwei I.** Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1987. 250 S. (in Germ.).

Информация об авторе

Мовчан Марина Константиновна, преподаватель кафедры межкультурной коммуникации НГУ, специалист

Information about the Author

Marina K. Movchan, Postgraduate Student in German Philology, Specialist

*Статья поступила в редакцию 01.11.2023;
одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 29.03.2024*
*The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 29.03.2024*